

Такъ какъ, говорить, они предались роскоши, оставивъ любовь къ Богу, и стали надѣяться *на гору Самарійскую*, то есть—на жителей Самаріи, показывая великую гордость и полагая, что они властвуютъ надъ *бевмѣрнымъ* множествомъ народа и имѣютъ людей, годныхъ для войны, въ превосходномъ числѣ, поэтому-то и говорить: придетъ, да, — придетъ, и весьма скоро, на всѣхъ время плѣненія и въ качествѣ первой добычи воспользуется людьми, болѣе могущественными. Всегда вѣдь непріятели, опустошая городъ, бросаются на дома знатнѣйшихъ, съ тѣмъ, чтобы расхитить что въ нихъ есть. А такъ какъ у знатныхъ жителей Самаріи было въ обычаѣ развѣзжать на самыхъ лучшихъ коняхъ, а эти послѣдніе, какъ обыкновенно, шли по срединѣ улицы и при этомъ съ умомъ и съ толкомъ, какъ бы по наученію, ржали (всегда это животное способно понимать красоту и усвоить свойственное ему искусство), то, говорить, и это прекратится: *отзвѣтится*, говорить, *ржаніе конско отъ Ефрема*,—подобно тому, какъ если бы сказалъ: многіе изъ Самарійцевъ перестанутъ кичиться, прекратятъ, и не по своей волѣ, блестящіе выѣзды, когда подъ ними ржутъ кони, которые, будучи украшены сіяющими бляхами, какъ будто бы признаютъ сѣдока и какъ будто весьма гордятся тѣмъ, что приняли на себя знатнаго и достойнаго удивленія ѣздока. А что трезвенность для начальствующихъ дѣло безопасное, распущенность же вредна, объ этомъ узнаешь и отсюда, потому что на нихъ впередъ всѣхъ придутъ кары; они лишены будутъ всякой чести и наравнѣ съ прочими будутъ подлежать строгому и суровому суду, и должны будутъ отвѣчать не за то только, что погубили себя,

но и за то, что къ своимъ беззаконіямъ привлекли и другихъ.

Ст. 8. *Яко клятсѣ Господь собою: понеже гнушаюся азъ всею укоришною Иакова, и села его возненавидѣхъ.*

Показываетъ непреложность гнѣва, изображая, какъ Богъ поклялся, что Онъ возненавидѣлъ *укоризну Иакова*. Конечно, мы не думаемъ, что рѣчь содержитъ осужденіе праотцу Иакову: понимать такъ было бы весьма глупо, потому что Богъ возлюбилъ Иакова отъ чрева матери и сдѣлалъ его избраннымъ, когда онъ былъ еще въ зародышѣ. Опять *Иаковомъ* называетъ потомковъ Иакова, проклятую гордость которыхъ Онъ, какъ говоритъ, возненавидѣлъ (обычно божественное писаніе называетъ *укоризною*, — *ὕβρις* — превозношеніе). Ибо неужели это не дѣло превозношенія, — разумѣю то, что они отринули богопочтеніе, славу, приличествующую всего болѣе Ему, усвояютъ идоламъ и сверхъ того не считаютъ нужнымъ стремиться къ тому, что Ему угодно объявить чрезъ святыхъ пророковъ, угрозу считаютъ какъ бы за шутку и, уповая на множество союзниковъ, совершенно презираютъ Его милосердіе и помощь? Затѣмъ: можетъ ли это быть сомнительнымъ? — Клялся, говоритъ, Собою Господь всяческихъ, Собою потому, что у Него не было чѣмъ поклясться высшимъ. Въ чемъ же предметъ клятвы? Въ томъ, что *гнушаюся азъ всею укоришною*, или превозношеніемъ Иакова, *и вся села его возненавидѣхъ*, такъ какъ не было никого, кто воздавалъ бы Ему честь и отличался достоинствами праведности. Конечно, Богъ не отвратился бы, если бы у нихъ, хотя и въ ограниченномъ числѣ, нашлись люди, у которыхъ лежало бы на сердцѣ угодное Ему. Посему и говоритъ устами Іереміи: *обыдите пути Іерусалимскія, и воз-*

зрите, и пощитте на стогахъ его: аще обрящете мужъ творящаго судъ, и щуща вѣры, и милосердѣ буду имъ глаголетъ Господь (Иерем. 5, 1). А такъ какъ селъ *Иакова* имѣли недостатокъ во всякомъ добромъ боголюбивомъ мужѣ, то они и преданы на опустошеніе, и вмѣстѣ съ жителями погибли и города. Посему великая нужда въ святыхъ, потому что они спасаютъ города и избавляютъ страны отъ належащей бѣды, свѣтлостію жизни своей приводя въ успокоеніе даже кипящій гнѣвъ и какъ бы отстраняя устремляющіяся движенія божественной ярости.

Ст. 8—10. *И отвергу градъ со всѣми живущими въ немъ. И будетъ, аще останутся десять мужей во единомъ дому, умрутъ: и останутся остаточніи: и возмутъ свои ихъ, и понудятъ изнести кости ихъ изъ дому: и речетъ настоятелю дому: еще ли есть у тебе? и речетъ: нѣсть еще, и речетъ: молчи, неименованій ради имене Господня.*

Такъ какъ Онъ возненавидѣлъ села ихъ и гнушается всякою укоришною *Иакова*, или высокоуміемъ ихъ, то и говоритъ, что города ихъ погибнуть вмѣстѣ съ людьми. А что въ частности постигаетъ погрѣшившихъ въ томъ, разъясняетъ подробно: *отвергу*, говоритъ, какой захочу градъ и истреблю вмѣстѣ съ жителями. И хотябы десятерымъ изъ одного дома удалось избѣжать меча непріятельскаго, скрыться по угламъ и во внутреннѣйшихъ помѣщеніяхъ дома, они все таки умрутъ, быть можетъ потому, что будутъ бояться хотя на малое время выгнать изъ тѣхъ убѣжищъ, въ которыхъ они находятся. Будетъ смѣнять, говорить, руку бьющаго язва и убивать спрятавшихся. А когда удалятся враги, то придутъ нѣкоторые изъ своихъ по крови и по расположенію и понудятъ изнести кости ихъ.

Кого же понудятъ собирающіе останки умершихъ? — Конечно, себя самихъ, ибо по истинѣ обременительно и тяжело прикасаться къ тѣламъ уже разлагающимся и загнившимъ, а кто на это отваживается, тому, думаю, не слѣдъ держать носъ открытымъ, потому что нѣтъ ничего хуже такого страшнаго зловонія. Итакъ, понудятъ себя самихъ оказать состраданіе умершимъ и погибшимъ отъ язвы тѣмъ, что удостоятъ ихъ погребенія и одѣянія. Но, говорить, дѣлающіе это будутъ спрашивать завѣдующаго домомъ: нѣтъ ли кромѣ тѣхъ кого еще — или еще живаго и скрывающагося въ потаенныхъ мѣстахъ, или уже умершаго и издающаго запахъ? А тотъ отвѣтитъ, говоря: *нѣтъ еще*. Это не иное что, какъ ясное доказательство полного опустѣнія. Но если *настоятели* дома скажутъ это, они услышатъ, говорить, въ свою очередь отъ предлагающаго вопросъ: *молчи, неименованія ради имени Господня*. Что это значитъ, необходимо разсмотрѣть. Нѣкоторые думаютъ и утверждаютъ, что вопрошающіе будутъ заставлять умолкнуть *настоятелей дому*, готовыхъ поклясться, съ тѣмъ, чтобы тѣ не клялись именемъ Господнимъ, и добавляютъ, что у Ефремлянъ умъ испаль до такого отсутствія любви къ Богу, что они не выносятъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы наименовать Бога всяческихъ. Полагаю, что такое разсужденіе весьма слабо и неблагоприлично, что Ефремляне совершенно отторглись отъ любви къ Богу, въ этомъ никто не будетъ сомнѣваться, но, вслѣдствіе ударовъ и наказанія, ставъ болѣе благоразумными, они, естественно, скорѣе должны были хоть сколько нибудь убояться и затѣмъ прійти къ необходимости желать того, что болѣе нужно, а не наоборотъ — столь дерзко посягать противъ истиннаго богопочте-

нія. Кроме того (прибавлю къ сказанному и это), какая была надобность настоятелямъ дома на вопросъ: не скрывается ли у нихъ кого — или еще живаго, или уже мертваго? говорить и присоединять еще клятву, что у нихъ никого уже нѣтъ? Итакъ, что же означаетъ: *речетъ: мнози, не именованія ради имени Господня?* Полагаемъ, что у потомковъ Израиля было въ обычаѣ называть такъ нареканіе и хулу противъ Бога, къ чему началомъ служили для нихъ постановленія закона. Такъ, въ книгѣ Левитъ написано, что два человѣка въ собраніи поссорились между собою и одинъ изъ противниковъ (сынъ Египтянки) произнесъ хулу (противъ Бога) и былъ побитъ камнями. Немедленно по этому поводу Богъ установилъ законъ, говоря такъ: *человѣкъ, иже аще прокленетъ Бога своего, грѣхъ приметъ; нарицаая же имя Господне, смертію да умретъ* (Лев. 24, 15—16). Итакъ, наименовать имя Господне означаетъ произнести хулу, что священныя письмена выражаютъ въ словахъ болѣе мягкихъ. Но такъ какъ у многихъ, когда они въ печали, есть обычаѣ иногда изрыгать укоризненныя рѣчи противъ Бога, то, говорить, если настоятель дома отвѣтитъ, что у него никого нѣтъ, хотя онъ и стѣсненъ непоправимыми несчастіями, заградить, говорить, ему уста, чтобы тотъ не сказалъ чего укоризненнаго противъ Бога. Это свойственно тому, кто показываетъ угрожающій имъ бичъ не напрасно и караетъ не попусту, но съ пользою и необходимостью, потому что можно, да, можно, и очень легко, видѣть изъ того уже, что совершилось, что наказаніе однихъ, потерпѣвшихъ, привело еще живыхъ и уцѣлѣвшихъ къ осторожности и внушило страхъ, какъ бы не оскорбить Бога еще, даже не прогнѣвить Его одними только

словами, хотя прежде они привыкли дѣлать это безъ опасенія, присоединяя къ рѣчамъ и высокоумію, свойственное ихъ отцамъ. Посему гораздо лучше истинно добрымъ и мудрымъ до ударовъ и бича поискать полезнаго и, прежде чѣмъ извѣдать на опытѣ устремленія гнѣва, удалиться отъ порока и заняться исполненіемъ того, что по истинѣ угодно всесвятому Богу.

Ст. 11. *Понеже се Господь заповѣдаетъ, и побѣтъ домъ великій толченіемъ, и домъ малый разсѣденіемъ.*

Ясно угрожалъ, что города вмѣстѣ съ жителями будутъ взяты или лучше—погибнутъ. А что это — отъ Бога и случается не само собою, весьма наглядно обнаруживается въ томъ, что Онъ заповѣдаетъ могущимъ опустошить, а тѣ легко исполняютъ то, что опредѣляетъ гнѣвъ Божій. Домомъ великимъ и домомъ малымъ, вѣроятно, называетъ Ефрема и Іуду. Ефремъ многолюденъ, потому что заключалъ въ себѣ десять колѣнъ, потому онъ и—*домъ великій*; а Іуда — меньшій, потому что состоялъ изъ двухъ: самъ — въ Іерусалимѣ, и колѣно Вениаминово. Слѣдуетъ замѣтить, что при сокрушеніи (*толченіи*) паденіе должно быть полное, а при *разсѣденіи* естественно ожидать разрушенія частнаго. И домъ Ефремовъ, или Израиль, подвергнулся совершенному плѣненію и неисцѣльному бѣдствію войны, и Іуда потерпѣлъ это отчасти и какъ бы въ видѣ малаго *разсѣденія*. Справедливъ былъ Судія и нелицепріятенъ. Какъ видишь, Онъ взвѣшиваетъ преступленія городовъ и странъ и соотвѣтственно этому на каждомъ налагаетъ могущее принести ему пользу наказаніе. Итакъ, не будемъ презрительны къ Богу, зная всеильную крѣпость вышней мышцы, ибо разумніе этого дѣло самое лучшее.

Ст. 12. *Аще поженутъ въ каменіяхъ кони, (и) аще уможнутъ въ женствѣмъ полу? яко обратисте на гнѣвъ судъ, и плодъ правды на горести.*

Что *Господь* заповѣдаетъ и побіетъ домъ великій толченіемъ, и домъ малый разсѣденіемъ, хотя бы совершилъ это рукою Ассиріянъ, въ этомъ опять увѣряетъ насъ, говоря: *аще поженутъ въ каменіяхъ кони*; подобно тому, какъ если бы прямо сказалъ: конь есть животное ретивое и изъ самыхъ способныхъ къ дѣлу, но для бѣга ему нужно мѣсто, не скалистое и исполненное стремнинами, а гладкое и ровное. Какъ же поэтому совершили на васъ набѣгъ Ассиріане, не смотря на то, что вы издавна — народъ весьма неприступный и такъ сказать, скалистый, котораго никогда не попиралъ ни одинъ изъ непріятелей?—Но вѣдь оскорбленъ былъ Богъ, который мѣста дикія и недоступныя непріятелямъ сдѣлалъ удобными для прохода и проѣзда. Все равно какъ, говоритъ, кони въ присутствіи кобылицъ не перестанутъ яриться, уязвляться жаломъ природы и прыгать, такъ же и враги не успокоятся въ своемъ самомъ пылкомъ и неудержимомъ устремленіи на нечестивцевъ, и причина этого — вы, а не кто другой. Ибо вы, говоритъ, праведный *судъ* Мой о васъ *обратисте* на гнѣвъ, и вмѣсто того, чтобы получить *плодъ правды*, Подателя всякаго благодушія вашего понудили къ гнѣву, нечестиво учинивъ достойное *горести*. Подлинно, Богъ всяческихъ былъ милосердъ къ Израилю, страдавшему въ Египтѣ, но они не перестали оскорблять (Его). Это, думаю, и есть: *обратисте на гнѣвъ судъ*. — Итакъ, поистинѣ страшенъ грѣхъ неблагодарности; онъ наказуется, и вполнѣ справедливо. Въ самомъ дѣлѣ: грубья оскорбленія Тому, Кого, напротивъ, слѣдовало уми-

лостивлять славословіями и услаждать благодарственными возглашеніями, не послужать ли для васъ источникомъ всяческихъ золъ?

Ст. 13—14. *Веселящійся ни о единомъ словѣ благомъ, глаголющій: не крѣпостію ли нашею имама роги? Тъмже се азъ воздвигну на вы, доме Израилевъ, языкъ, глаголетъ Господь силъ, и сокрушатъ васъ, еже не вникти во Емавъ, и до водотечи западовъ.*

Обратисте, говорятъ, на инъвъ судъ и плодъ правды на горестъ, — вы, много думающіе о самихъ себѣ, поднимающіе гордое чело противъ Бога, радующіеся гнилому и несмысленному слову! Вы сказали, что не Я былъ подателемъ присущей вамъ крѣпости и силы на одолѣніе враговъ, но, приписывая высокія достоинства своимъ собственнымъ силамъ, вы дерзнули сказать: *не крѣпостію ли нашею имама роги?* Это было тоже самое, какъ если бы вы изблечены были въ томъ, что крайне возгордились и несмысленно говорили; мы сами одолѣвали и будемъ одолѣвать враговъ, хотя бы даже Богъ не захотѣлъ защитить; мы сильны, и должно славиться столь блестящими дѣяніями, совсѣмъ ничего не воздавая Богу. Вотъ эта-то безумная мысль и это дѣйствіе и есть высокоуміе и превозношеніе противъ Бога. Но премудрый Давидъ воздавалъ славу владычествующему всѣмъ Богу и говорилъ: *яко похвала силы ихъ ты еси* (Псал. 88, 18), и еще: *о тебѣ враги наша избодемъ роги* (Псал. 43, 6), ибо отъ Него всякая крѣпость, и мы ничего не можемъ совершить достойнаго вниманія безъ Его содѣйствія и помощи, потому что, по написанному *Господь сокрушай брани* (Исх. 15, 3), Послѣ же того, какъ говорятъ, вы оказались впавшими въ такую горделивость и необузданность языка, *се азъ воздвигну на вы языкъ* (очевидно —

Ассиріянь), и сокрушатъ васъ, еже не вникти во Емаѳъ до водотечи западовъ. Емаѳъ—одинъ изъ восточныхъ городовъ, въ то время принадлежавшій къ царству Дамасскому, нынѣ же, какъ я говорилъ, онъ переименованъ въ Антиохію или Енифанію. А водотечію западовъ называетъ рѣку Египетскую, находившуюся въ Египтѣ къ западу отъ Іудейской земли. И такъ какъ у Израильтянъ было обыкновеніе, когда имъ угрожала война, то просить помощи въ Дамаскѣ и у Сирійцевъ, то убѣгать въ страну Египтянъ поэтому и говорить, что воздвигаетъ на нихъ языкъ, и онъ придетъ съ большой силой и повергнетъ ихъ въ такое утѣсненіе, что они уже не смогутъ идти ни въ Емаѳъ, ни до водотечи западовъ, то-есть — пригласить на помощь ни Дамасской, ни Египетской силы, ибо, по написанному (Іова 12, 14), если Богъ затворитъ, кто отверзетъ? Какое будетъ средство спасенія, если Всесильный направляетъ къ погибели?

Глава VII, ст. 1—3. *Уще показа ми Господь Богъ, и се приплодъ пружій идыи утренній, и се гусеница бѣ Гогъ царь. И будетъ, аще скончатъ ядый траву земную, и рѣхъ: Господи, Господи, милостивъ буди: кто возставитъ Іакова? Яко малъ есть: раскайся, Господи, о семъ: и сіе не будетъ, илголетъ Господь.*

Открываетъ пророку, что на Израильтянъ насланъ будетъ народъ, и то, какой онъ имъ нанесетъ вредъ; при этомъ приспособляется къ его нравамъ и посредствомъ того, что онъ знаетъ, точно научаетъ о томъ, что будетъ сдѣлано. Дѣйствительно: всегда саранча и гусеница считается у пастуховъ и на самомъ дѣлѣ бываетъ чѣмъ то страннымъ потому что, когда ими какъ бы остригается трава, тогда необходимо погибаютъ пастбища. Поэтому Богъ бѣд-

ствія войны изображаетъ пророку, какъ пастырю: подъ видомъ саранчи изображаетъ Ассиріянь, потому что они въ безмѣрномъ множествѣ какъ бы пожираютъ и губятъ землю. И называетъ ее утренней, падающей какъ роса, разливающейся по землѣ въ родѣ инея. Но говоритъ, это была не *гусеница*, а *Гогъ* царь. Затѣмъ, когда Богъ сказалъ: *и будетъ, аще скончается ядый траву земную* (то есть, когда, пожирая, истребитъ многочисленную толпу, находящуюся въ Самаріи и въ городѣ Іудейскомъ), и потомъ, когда намѣренъ былъ прибавить кое-что иное, пророкъ, прерывая рѣчь, умоляетъ Его прекратить гнѣвъ, говоря: *Господи, милостивъ буди: кто возставитъ Іакова? Яко малъ есть; а если, говоритъ, Ты, насколько я вижу, желаешь предать Израиля врагамъ на съѣденіе, то онъ будетъ и совсѣмъ малъ.* Богъ же—на это: *и сіе не будетъ, глаголетъ Господь; И, говоритъ, вѣдь не устаю и не ослабѣваю, но ни въ какомъ случаѣ не перестану наказывать нечестивцевъ.* Должнымъ образомъ изслѣдуя, кто же это такое Гогъ, скажемъ слѣдующее: что и Іезекіиль по повелѣнію Божію пишетъ плачь на него. Полагаемъ, что это—Сеннахиримъ, когда послѣ хуленій Рапсака противъ Бога пришелъ Ангелъ Божій и истребилъ въ одну ночь сто восемьдесятъ пять тысячъ (4 Царствъ 19). Но слѣдуетъ припомнить, что о немъ написано отъ лица Іезекіиля. *Сія глаголетъ Господь Гогу: ты еси, о немже глаголахъ во дни первыя рукою рабъ моихъ пророкъ Израилевыхъ въ оныя дни и лѣта, еже привести (тя) на ня* (Іезек. 38, 17). Слышишь: его, а не другаго кого, говоритъ, угрожалъ чрезъ святыхъ пророковъ—наслать на Израильтянь. А что онъ понесъ наказаніе за дерзость языка и, рассчитывая побѣдить, внезапно былъ по-

губленъ и палъ въ землѣ Израильской, это изображаетъ, немедленно въ другомъ мѣстѣ говоря: *и ты сыне человекъ пророчи на Гога, и рцы: се азъ возведу тя на горы Израилевы, и падеши ты, и вси иже окрестъ тебе, и дамъ Гогу мѣсто нарочито, гробъ во Израилѣ, и закопаютъ я домъ Израилевъ (39, 1—13)*. Когда пали Ассиріане, которые, по всей вѣроятности, и обозначаются именемъ Гога, то народъ Израильскій зарывалъ мертвецовъ, чтобы городамъ и селеніямъ не вредило невыносимое свойство столь ужаснаго зловонія.

Ст. 4—6. *Сице показа ми Господь, и се призва прю во огни Господь, и пояде бездну многу, и пояде часть: и рѣхъ: Господи Боже, престани нынѣ, кто возставитъ Иакова? Яко малъ есть: раскайся, Господи, о семъ: и сіе не будетъ, глаголетъ Господь.*

Созерцалъ подъ образомъ саранчи и гусеницъ Гога или Ассирійца. Его же именуеть прею огненною (карою), потомучто Вавилонянамъ не довольно было истребить желѣзомъ Ефрема, но они сожгли и множество городовъ Самарійскихъ. Посему, говорить, пря, то есть — отмщеніе посредствомъ огня, *пояде бездну многу*, тоестъ—Ефрема, именуемаго *бездною* по причинѣ его великаго и неизмѣримаго множества. Точно также *пояде и часть* малую, тоестъ—Иуду и Веніамина, потомучто заносчивый Рапсакъ, сожегши не малое, число городовъ Иудейскихъ, послѣ этого осадилъ и самый Іерусалимъ. Далѣе, когда пророкъ сталъ умолять и убѣждать Бога всяческихъ раскаяться или измѣнить рѣшеніе, то Владыка всяческихъ говоритъ: не будетъ сего. Что же мы отсюда узнаемъ? То, что чрезмѣрныя прегрѣшенія страшно оскорбляютъ Бога, хотя Ему и свойственно вели-

чайшее непамятозлюбіе, и молитвы святыхъ дѣлаютъ, такъ сказать, бездѣйственными.

Ст. 7—9. *Сице показа ми Господь: и се Господь стояй на оградѣ адамантовъ, и въ руку его адамантъ. И рече Господь ко мнѣ: что ты видиши Амосе? и рѣхъ: адамантъ. И рече Господь ко мнѣ: се азъ учиню адаманта средѣ людей моихъ Израиля, ктому не приложу, еже мимоити его. И потребятся третища смѣха, и требы Израилевы опустѣютъ и востану на домъ Героваамъ со оружіемъ.*

Богъ, показавъ пророку Ассирійца, или Гога, подъ образомъ саранчи и гусеницы и *при во огни*, затѣмъ показываетъ Себя какъ бы стоящимъ на *оградѣ адамантовъ*, чтобы изъ этого было понятно, что Онъ, такъ сказать, достигъ обладанія неизреченной силою и пользуется непоколебимою твердостью относительно собственныхъ благъ, ибо Божество всесильно и имѣетъ прочное основаніе, поскольку Оно не можетъ измѣняться, но стоитъ выше (всякой) переменны и, какъ Я сказалъ, относительно собственныхъ благъ всегда и во всемъ пребываетъ непоколебимымъ. Поэтому и является стоящимъ на *оградѣ адамантовъ*. Не сокрушимъ и непреборимъ между камнями адамантъ, не уступаетъ твердымъ и упорнымъ изъ нихъ и никакому другому веществу не даетъ преодолѣть присущую ему крѣпость, пожалуй даже можетъ презирать силу огня. Но такъ какъ стоявшій на оградѣ держалъ въ рукѣ адамантъ, то Онъ спрашивалъ пророка, говоря: *что ты видиши, Амосе?* Когда тотъ разобралъ и сказалъ, что это было (онъ сказалъ: *адамантъ*), то (Господь) ясно подтвердилъ, что *учинитъ его средѣ Израиля*. Подъ адамантомъ разумѣй или Ассирійца,—свирѣпаго и несокрушимаго и приведеннаго въ это состояніе

Богомъ (потому что Господь силъ если кому захочетъ, то даетъ силу), или же несокрушимое и все-сильное слово Божіе, котораго нельзя обратить въ ничто или по крайней мѣрѣ сдѣлать бездѣйственнымъ: что Богъ провѣщаетъ, то, безъ всякаго препятствія, дойдетъ до конца. Такъ и Господь говорить: *небо и земля мимоидутъ, словеса же моя не мимоидутъ* (Матѳ. 24, 35). Сказалъ также, что не пройдетъ мимо Израиля, тоестъ привлечетъ его къ отвѣтственности за его нечестивыя преступленія, не будетъ уже долготерпѣливымъ, но предастъ его тѣмъ, кто призванъ противъ него, вмѣстѣ съ капищами, жертвенниками и идолами. Ибо, говоритъ, *потребятсяъ требища смѣха*. По истинѣ смѣхъ—изготовленіе всякаго идола, но, думаю, въ настоящемъ и собственномъ смыслѣ подъ *смѣхомъ* слѣдуетъ разумѣть Веельфегора, даже и по самой срамотѣ его вида. Въ этомъ одномъ, болѣе всѣхъ позорномъ, изобличаетъ все изготовленіе идоловъ. Итакъ: истреблены будутъ жертвенники, а вмѣстѣ уничтожены будутъ и *требы Израилевы*, тоестъ — идолопоклонническія игрища, мерзкія и пагубныя таинства. Ясно показалъ также, что вмѣстѣ съ богами своими пойдетъ въ погибель и славный царскими почестями Іероваамъ. Слѣдуетъ напомнить, что тотъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, не первый, а иной: тотъ былъ сынъ Навата, этотъ—Іоаса. Сказанное имѣетъ примѣненіе къ историческому повѣствованію. Истиннымъ же адамантомъ явить Христа, Господа силъ, имѣющаго непреодолимую и непреоборимую крѣпость, сокрушающаго враговъ и побѣждающаго сопротивниковъ и никѣмъ не сокрушаемаго. Онъ какъ камень избранный учиненъ *среди людей*, ибо явился на землѣ и жилъ съ людьми; посему и названъ устами ангела *Емману-*

илъ, еже есть сказано: съ нами Богъ (Матѣ. 1, 23). А съ нами былъ, когда намъ уподобился, и будучи *учиненъ* въ насъ Богомъ и Отцомъ какъ камень адамантъ, нисровергъ владычество діавола, воистину уничтожилъ *требища смѣха*, ибо какъ только возсіялъ Еммануиль, даровалъ жителямъ всей поднебесной свѣтъ истиннаго вѣдѣнія, показалъ намъ Себя, образъ и подобіе Отца, тогда-то именно и отбѣжалъ мракъ древней прелести, палъ также и самъ начальникъ прелести, тоестъ—сатана, и исчезло мерзкое и богоненавистное идолослуженіе.

Ст. 10—11. *И посла Амасія жрецъ Веоилскій ко Героваому царю Израилеву, глаголю: развраты творитъ на тя Амосъ средѣ дому Израилева, не возможеъ земля подъяти вспѣхъ словесъ его. Понеже сія глаголетъ Амосъ: оружіемъ скончается Героваомъ. Израиль же плъменъ отведется отъ земли своей.*

Ложь всегда сама по себѣ беспомощна, и стоны прелести имѣють слабую опору; потому и подлежатъ осмѣянію, такъ какъ едва держится въ стоячемъ положеніи лишь при посторонней помощи. Таково именно свойство идолослуженія. Были у нихъ пьяныя игрища, золотыя телицы, *дѣла тектонскія и сліянія*, по написанному (Іерем. 10, 3), и искусство рукъ человѣческихъ, и изобрѣтенія неправедныхъ начинаній. И вотъ: блаженные пророки одержимыхъ прелестями призываютъ къ трезвенію, служители же идоловъ, такъ какъ у нихъ какъ бы разрушается весь кровъ, не мало негодуютъ, трепещуть отъ страха, оплакивають пробужденіе заблуждающихся, потому что они знаютъ, что бодрый и пробудившійся умъ не безъ отягощенія взираетъ на скверну ихняго служенія. Поэтому скверный Амасія опасался, что убѣжденные поклоняться золотымъ

тельцамъ словами пророка приведены будутъ къ здравому пониманію, самъ онъ лишится жреческой должности, а съ капищами погибнуть и находящіяся въ нихъ святилища. По этой причинѣ онъ старается возбудить Иеровоама, говоря, что Амосъ будто бы возстаетъ противъ его царской власти и дерзаетъ произносить несносныя и нестерпимыя рѣчи, что тотъ (Иеровоамъ) умретъ отъ меча, а Израиль поидетъ въ плѣнъ.

Нѣчто подобное совершили и презрѣнные Іудеи, слагавшіе клеветы на Христа, ибо когда Онъ, изумляя чудесами Іудею, всѣхъ призывалъ къ Себѣ, они, жалкіе, принявъ въ умъ свой пламя зависти, привели Его къ Пилату и даже говорили: если не умертвишь Его, *ииси другъ Кесаревъ* (Іоанна 19, 12). Итакъ, всегда одинаковы нападенія на святыхъ у всѣхъ, борющихся противъ благочестія, и вездѣ безсиліе дряхлой лжи пользуется одинаковыми средствами.

Ст. 12 — 13. *И рече Амасія ко Амосови, глаголю: виднѣи, гряди, отъиди ты на землю Іудину, и тамо живи, и тамо да прорицаеши. А въ Веѡили посемъ не приложи прорицати, яко освященіе царя есть, и домъ есть царства.*

Наконецъ явно безстыдствуется и словамъ Божиимъ противопоставляетъ выраженіе своей собственной враждебности: называетъ пророка видящимъ, но, не цѣня и не почитая его именованъ пророческимъ, а выставляя его какъ бы однимъ изъ лжепрорицателей, приказываетъ уйти въ землю Іудину. Присовокупляя: *тамо живи*, говоритъ такъ: если ты домогаешься постыдныхъ доходовъ и хочешь добыть необходимое для жизни, обольщая людей пустыми рѣчами, то, оставивъ Самарію, говори принадлежащимъ

къ колѣну Іудину, а въ Веелѣ не пророчествуй, ибо *освященіе царя* есть. *Освященіе* говоритъ вмѣсто: свитыни или мѣсто свитыни: тамъ первый Героваамъ посвятилъ золотую телицу. А съ тѣмъ, чтобы выставить вину пророка и противъ чести властителя, говоритъ: *домъ есть царства*; ты же смущаешь царственное обиталище, возбуждаешь мятежь, опрометчиво сопротивляясь державной волѣ. Отсюда съ ясностію можешь видѣть, насколько истинно сказанное Богомъ къ Израилю: *и напалсте освященные виномъ, и пророкомъ заповѣдасте, глаголюще: не прорицайте* (Амоса 2, 12).

Ст. 14—17. *И отвѣща Амосъ, и рече къ Амасіи: не бѣхъ пророкъ азъ, ниже сынъ пророкъ, но пастырь бѣхъ, ягодичія обиралъ: и поя мя Господь отъ овецъ, и рече Господь ко мнѣ: иди, и прорицъ на домъ Израилевъ. И нынѣ слыши слово Господне: ты глаголеши: не прорицай на Израилъ, и не возмущай народа на домъ Іаковль. Сего ради сія глаголетъ Господь: жена твоя во градъ соблудитъ, сынове же твои и дщери оружіемъ падутъ, и земля твоя ужемъ измърится, и ты на земли нечистый скончаешия. Израилъ же плъненъ отведется отъ земли своея. Сице показа ми Господь* (Гл. VIII, 1).

Когда ревнители порока наносятъ оскорбленія людямъ достойнымъ, то сами избличаютъ свой нравъ и, выставляя безобразіе своихъ грѣховъ, думаютъ, что они досаждаютъ (другимъ), но незамѣтно для себя самихъ описываютъ себя какъ на картинѣ и показываютъ другимъ, каковы они. Найдемъ, что теперь испыталъ нѣчто подобное слабоумный Амасія: будучи лжепророкомъ, пребывая при идольскихъ жертвенникахъ, собирая куски и остатки закалаемыхъ животныхъ и неудержимо предаваясь постыд-